

Тан Юйхуэй измучился, ещё не сойдя с самолёта: он и подумать не мог, что его будет так мутить. Решение лететь в Гардзе созрело лишь на прошлой неделе, и до самой посадки в самолёт его глаза будто замазали чёрной краской — он ничего не выяснил о месте назначения. Единственную тёплую куртку одолжил ему вчера вечером Кэ Нин, предупредив, что в Западной Сычуани даже весной бывает очень холодно и нужно опасаться простуды и жара. Честно говоря, эта куртка была не слишком тёплой. Тан Юйхуэй замёрз, едва ступив на трап самолёта. Он вспомнил, как Кэ Нин утром, провожая его в аэропорт, посмотрел на него и предложил:

— Может, купишь пуховик в аэропорту?

Тан Юйхуэй покачал головой. Покупать в аэропорту предметы первой необходимости казалось ему унижительным — это лишь подчеркнуло бы его недалёковидность, отсутствие заботы со стороны близких, полную неподготовленность и, вдобавок ко всему, его душевные раны. Казалось бы, всего лишь один предмет одежды — не стоило так переживать. Но все его тёплые зимние вещи остались дома, куда он отвёз их на зимних каникулах. Если бы он мог вернуться домой, незачем было бы тащиться в западную часть Сычуани.

Никаких планов или путеводителей, разумеется, у него не было — Тан Юйхуэй ехал вовсе не развлекаться. Он даже толком не помнил, как купил билет и почему вообще решил отправиться именно в это место. Толчком, кажется, послужило смутное воспоминание о долгом отпуске. Тогда он заперся в лаборатории, собирая данные, и единственным его развлечением был просмотр телевизора с большим экраном вечером в столовой. В то время Тан Юйхуэй там часто смотрел канал CCTV9, и ему попались на глаза несколько документальных фильмов. Один из них, посвящённый пейзажам Сычуани, был снят особенно хорошо: на экране раскинулись сияющие озёра в объятиях горных хребтов. Тан Юйхуэю кусок в горло не лез, и он ел очень медленно. С экрана доносился голос диктора: «В провинции Сычуань влажный климат, её западная часть особенно живописна: прозрачные воды, далёкие горы, высокие и плотные облака».

Когда Тан Юйхуэй принял твёрдое решение уехать на время, он, почти наугад выбирая направление, первым делом вспомнил об этом месте. Он никогда не выезжал за пределы дома и университета, а на карте Китая ему были знакомы лишь восточная часть да небольшой участок к северу. В зале ожидания он взглянул на карту: Гардзе, куда он направлялся, граничит с Тибетом. Кандин, куда он летел, находился на немалой высоте, а Даочэн, кажется, был и вовсе на пяти тысячах метров над уровнем моря. Но Тан Юйхуэй, выросший в благодатном краю рек и рисовых полей, не имел ни малейшего представления о высокогорье. Он слепо верил в свою удачу, позволив себе эту опрометчивость.

Перелёт оказался не слишком долгим, но Тан Юйхуэя неудержимо клонило в сон. В последнее время он спал как убитый, каждую ночь словно проваливаясь в бездну. Только когда самолёт вошел в зону турбулентности где-то над Сычуанью, Тан Юйхуэй с размаху приложился головой об иллюминатор и наконец проснулся. Он опустил взгляд и увидел, как самолёт плавно скользит над самым сердцем облачного моря. Под крылом виднелись снежные вершины в клубящихся потоках облаков. Он вместе с этой серебристо-белой машиной проносился среди бесчисленных, пронзённых синим и белым, ключев тумана. На миг Тан Юйхуэю показалось, будто он достиг небесного Южного полюса. Заворожён, не в силах оторваться, он смотрел на это зрелище. После почти часового наблюдения за ослепительно-белыми облачными массами

его глаза заболели от яркого света.

Когда самолёт приземлился, он, пошатываясь, с единственным своим багажом — маленьким двадцатидюймовым чемоданом для ручной клади — вышел из здания аэропорта. Но стоило ему пройти лишь несколько шагов, как он, точно во сне, медленно побрёл обратно, зашёл в туалет и там его настигла мучительная рвота, от которой мир вокруг поплыл и в глазах потемнело.

Разрывающая головная боль терзала Тан Юйхуэя. Сквозь окно уборной сияло бескрайнее, на десять тысяч ли, чистое небо, и по его безупречной, будто умытой лазури вереницами текли облака. А он, окружённый этой красотой, задыхался от нехватки кислорода. В висках стучало, в ушах звенело, перед глазами плыли чёрные пятна. Ещё чуть-чуть — и он потерял бы сознание.

Впервые покинув равнины и столкнувшись с таким недомоганием, Тан Юйхуэй был немного ошарашен. Он обратился к сотрудникам аэропорта, и милостивая тибетская девушка с улыбкой объяснила ему, что это горная болезнь. С лёгкой насмешкой в голосе она добавила, что это обычное дело, адаптация организма. Те, кто приезжает впервые, со временем привыкают, а если совсем не могут, можно купить лекарства или отправиться в больницу подышать кислородом.

Тан Юйхуэю побледнел от тошноты, но добродушные усмешки окружающих немного успокоили его. Он немного отдышался и присел у входа в аэропорт. Однако и через несколько минут ожидания дурнота ничуть не утихла, и Тан Юйхуэй был вынужден изменить свой первоначальный план, который, по сути, и планом-то нельзя было назвать...

Он рассчитывал приземлиться и положиться на волю случая, плыть по течению, отдаться на волю волнам и следовать за потоком: покинуть аэропорт, а затем ориентируясь по ситуации, добраться до гостевого дома, забронированного им на месяц. Тан Юйхуэй тихонько вздохнул. Западная Сычуань оказалась ещё суровее, чем он предполагал; казалось, она не оставляла случайным туристам простора для самостоятельности.

Аэропорт, размером едва ли больше школьного футбольного поля, располагался на самом настоящем горном склоне. Прямо у выхода начинался ровный, широкий, извилистый серпантин горной дороги, но движения на ней почти не было — за десять минут проехало всего несколько машин, а об общественном транспорте и мечтать не приходилось. Тан Юйхуэй достал телефон и проверил: до города было 49 километров, а до населённого пункта, в который он хотел отправиться — 48. Его вздох лишь усугубил нехватку кислорода.

У входа в аэропорт дежурило несколько частных таксистов, но Тан Юйхуэй не понимал их говора и ни к одному из них не решился сесть в машину. Туристов на этом рейсе, кроме него, не было. Остальные пассажиры, сойдя с самолёта, почти все разошлись, снаружи аэропорта не было ни души. От жара полуденного солнца у Тан Юйхуэя слегка помутилось в голове. «Зачем я здесь?» — внезапно подумал он.

Прежде чем Тан Юйхуэй решительно, с железным сердцем, совершенно ничего не запланировав, рванул в это странное место за две с лишним тысячи километров, он выслушал

от Кэ Нина немало упрёков и жалоб, и пропустил всё мимо ушей. В глубине души Тан Юйхуэй царили сумбур и растерянность, но вместе с тем и какая-то необъяснимая, безрассудная отвага.

Но сейчас, вдыхая разреженный, прохладный воздух высокогорья, стоя у подножия холма, который не могли согреть даже самые сильные лучи ультрафиолета, Тан Юйхуэй наконец почувствовал лёгкий страх. В полной прострации он некоторое время стоял на одном месте. Таксист, видя, его нерешительность, грубовато усмехнулся ему, отошёл чуть дальше и заговорил на непонятном Тан Юйхуэю языке с другим тибетцем, остановившим свой грузовик рядом. Время от времени они взрывались смехом, по которому трудно было понять, добрым он был или нет. Тан Юйхуэю стало немного не по себе. Хотя он чувствовал себя странным, бросающимся в глаза, словно белая ворона, да ещё и раздражающим всех своим оцепенением, ему почему-то казалось, что водители вряд ли говорят о нём что-то плохое.

Несмотря на физическое недомогание, которое невозможно было игнорировать, Тан Юйхуэй влюбился в это место в тот самый миг, как сошёл с самолёта. Чувство безграничного простора и свободы, приносящее какую-то особенную радость, пробежало по его телу волной трепета стремительнее, чем свет успел коснуться его глаз. Горы были высоченными, небо — густым и синим, солнце заставляло щуриться. Ему казалось, что вокруг очень тихо. Тан Юйхуэй медленно-медленно вытащил телефон и после долгих поисков отыскал наконец страницу со своей бронью. Только тут он увидел, что гостевой дом, забронированный им более чем на месяц, оказывается, обошёлся ему в шесть с лишним тысяч юаней, и только теперь разглядел его название — «Ветер, открывающий четыре сезона».

«Эх, — мысленно вздохнул Тан Юйхуэй, — и дорого, и название простоватое. Кто его выбирал? Кэ Нин или я сам? Почему я совершенно этого не помню? Наверное, Кэ Нин помог мне найти, но платил точно я — ведь нужно было вводить пароль... Да как же так, почему я совсем ничего не помню?»

Тан Юйхуэй растерянно посмотрел на экран мобильного, пролистал до самого низа, где был указан номер телефона гостевого дома, и медленно набрал его. Прозвучало несколько гудков. Тан Юйхуэй, стараясь дышать ровнее, вдруг подумал, что даже эти стандартные монотонные звуки здесь почему-то идут медленнее.

— Алло, здравствуйте, — раздался голос.

Тан Юйхуэй замер. Этот низкий мужской голос был совсем не похож на милую приветливую девушку с ресепшена. Тан Юйхуэй невольно наклонил голову. Собеседник терпеливо дождался несколько секунд, прежде чем Тан Юйхуэй медленно произнёс:

— Здравствуйте, я гость, который забронировал у вас номер... гм... тот, что на месяц. Я только что сошёл с самолёта, немного нехорошо себя чувствую. Хотел спросить, не могли бы вы меня встретить?

Мужской голос на том конце провода, казалось, стал чуть теплее, но Тан Юйхуэю показалось,

что это было сродни переходу от лежачего положения к лениво-сидячему — без истинной радости и радушия. Он услышал, как мужчина равнодушно произнёс:

— Сейчас не сезон. Вы не позвонили заранее, водители не согласятся ехать за кем-то порожняком. Если вас не пугает ожидание — могу забрать сам. Просто это займёт время: от аэропорта до посёлка больше сорока километров.

— Больше сорока километров... — хоть Тан Юйхуэй уже знал это, он всё равно бессмысленно повторил эти цифры. Услышав, как низкий голос произнёс такую длинную фразу, он почувствовал какую-то тоску и, прижав плотнее ухо к трубке, очень тихо спросил: — Сколько это будет стоить?

— Триста.

Тан Юйхуэй на мгновение замолчал. Он не имел ни малейшего понятия о ценах, но всё равно неосознанно вымолвил:

— Так дорого?

Но собеседник, похоже, и не собирался торговаться:

— Да. Можете также нанять частного у аэропорта. Тибетские водители все друг друга знают, на дороге вас не бросят.

Тан Юйхуэй немного помолчал, сначала бессмысленно промычав «угу», потом, не говоря ни слова и не вешая трубку, снова посмотрел на солнце и увидел, как с далёкого горного склона медленно надвигается огромное облако. Кончики его пальцев за это короткое время уже успели обгореть на солнце. Причудливые очертания горных хребтов под бегущими тенями облаков, казалось, струились и вздымались живой волной. Тан Юйхуэй помедлил и сказал:

— М-м... Тогда, будьте добры, заберите меня, пожалуйста.

Автору есть что сказать:

Место действия: Гардзе-Кандинский округ, а также, возможно, другие места Западной Сычуани и Тибета. Актив — тибетец. Автор не эксперт, его знания ограничены, моё самое большое опасение — что эту работу будут сверять с реальными местами и местными обычаями. Надеюсь, читатели, у которых возникнет такое желание, не будут слишком серьёзно воспринимать информацию, которая так или иначе вымышлена или обработана мной. Если вы найдёте расхождения с реальными народными обычаями и культурой, то это всё моя вина. Я

прислушаюсь ко всем замечаниям, высказанным вами в спокойной манере, и исправлю текст. Но поскольку мой главный стимул — это получение удовольствия от написания текста, то, если это не навредит общему впечатлению, надеюсь на всеобщее снисхождение. Очень-очень люблю Западную Сычуань, также обожаю тибетский народ и их культуру, но все сведения найдены мной с помощью поиска на Baidu и слухов. В конце концов, я не погружалась глубоко в эту культуру, и надеюсь неуклюже, но искренне передать вам эту историю. Ах, и последнее: я не принимаю никаких сомнений относительно чувств кого-либо из пары актив/пассив (можете сомневаться, но мне об этом говорить не надо). В моём сердце это и есть любовь, я считаю её уже очень романтической и идеальной. Простите, что она недостаточно похожа на сказку.

P.S. Этот строгий тон меня просто убивает! Поздравляю всех с праздником Циси!

Переводчику тоже есть что сказать.

Название главы: «Ещё не вернулся на Запад». Здесь игра смыслов.

В буддийской традиции Запад (西) часто ассоциируется с Западным раем, Сукхавати или Чистой землёй Будды Амитабхи. Это благословенное место, куда стремятся попасть души праведников после смерти. Выражение 西歸 (xī guī) — «вернуться на Запад» или «отправиться на Запад» — является распространённым эвфемизмом для обозначения смерти, подобно русскому «отойти в мир иной» или «отправиться к праотцам».

西未歸 (wèi xī guī) дословно переводится как «ещё не вернулся на Запад» или «ещё не отправился на Запад». В этом контексте это может означать «ещё не умер», либо «всё ещё жив», либо «тот, кто ещё не обрёл покой», либо «тот, чьё путешествие ещё не окончено». Также герой в этой главе физически едет на запад, в Западную Сычуань.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130160>